

005006118

На правах рукописи

Фатнева Ольга Владимировна

**Образ Другого в динамике персональной идентичности
(на примере феноменов современной массовой культуры)**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

15 ДЕК 2011

Барнаул – 2011

Работа выполнена на кафедре социальной философии, онтологии и теории познания ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Научный руководитель - доктор философских наук, профессор
Ельчанинов Валентин Александрович

Официальные оппоненты - доктор культурологии, профессор
Марков Виктор Иванович
кандидат философских наук, доцент
Журавлева Светлана Михайловна

Ведущая организация - ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный
технический университет им. И.И. Ползунова»

Защита диссертации состоится 28 декабря 2011 г. в 9 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д.212.005.07 при Алтайском государственном университете по адресу: 656049, г. Барнаул, ул. Ленина, 61.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Алтайского государственного университета.

Автореферат разослан   ноября 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор социологических наук, профессор

 О. Т. Коростелева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Актуальность обращения к философскому осмыслению Другого обусловлена, в первую очередь, такими насущными проблемами, как кризис персональной идентичности в современном обществе и сложности в сфере межкультурных взаимодействий. Другой является исходным пунктом самоидентификации индивида, противопоставляемым понятию «Я» и обозначающим его границы. Поэтому образ Другого и характер взаимодействия с ним служит важнейшим индикатором внутренних проблем личности. Скрытые внутренние противоречия неизбежно находят отражение в характере межсубъектных контактов, в том числе, и на межкультурном уровне. В связи с этим, даже частичное прояснение этих противоречий способно оптимизировать диалог между индивидами и социальными группами.

Явление глобализации может подводить к мысли, что время наибольшей значимости проблемы Другого миновало. По определению Ж. Бодрийяра, в период сближения всевозможных социальных оппозиций индивид больше страдает не столько от «чуждости» окружающих, сколько от ее отсутствия. Но в действительности, тенденция к сближению социальных общностей и культур лишь отчасти нивелирует значимость проблемы Другого, однако не снимает ее полностью. Отсутствие конфликтов на уровне публичных взаимодействий говорит об их возможном вытеснении в приватную сферу жизнедеятельности субъекта. Непроявленные на уровне межсубъектных взаимодействий конфликты локализуются в сфере повседневного существования субъекта, массовой культуры. На уровне публичной коммуникации, где субъект следует предписанным требованиям морали и права, он достаточно ограничен в способности выразить свою идентичность, поскольку должен руководствоваться гуманистическими ценностями общего характера. На втором уровне (в сфере повседневных, частных проявлений), субъект очерчивает границы своей идентичности помимо этих сдерживающих факторов. По мнению автора, именно здесь оппозиция «Я – Другой» способна проявляться наиболее отчетливо и

напряженно. Здесь можно обнаружить истоки тех проблем, которые так или иначе дают о себе знать при попытках сближения различных культур – истоки отчуждения субъекта от самого себя, моделирование им и проецирование вовне тех конфликтов и враждебных качеств, которые мешают установить конструктивный диалог.

Автор рассматривает отношение «Я – Другой» как универсальную конструкцию для описания бытия субъекта и культуры в целом. В непрерывном процессе самоопределения субъект противопоставляет сфере «своего» «иное», во взаимодействии с Другим он получает социальное признание и утверждение своей идентичности. Наконец, субъект способен выйти за рамки своей идентичности, расширить ее пределы посредством все того же взаимодействия. Другой выступает здесь прежде всего как ментальный конструкт, идеальный образ, что не мешает субъекту проецировать его на реальные межсубъектные отношения. Такие феномены массовой культуры как кинематограф, мода, массовая литература, сетевые сообщества создают альтернативное пространство, куда субъект устремляется с целью реализовать аспекты своего «Я», нераскрытые в непосредственном межличностном общении. Таким образом, проблема Другого приобретает особую актуальность именно в контексте анализа явлений массовой культуры.

Выявленные аспекты актуальности позволили осмыслить проблему определения Другого в качестве основного фактора формирования идентичности субъекта культуры, отражающей ее динамику и конкретизировать содержание понятия Другого на практическом материале массовой культуры (за основу взяты отдельные ее феномены, в которых оппозиция «Я-Другой» отчетливо характеризует основные аспекты формирования персональной идентичности).

Степень научной разработанности проблемы.

Внутренняя противоречивость Другого («Современный философский словарь» определяет Другого как персонально-субъектную артикуляцию феномена «свое иное») приводит к тому, что в концептуализации Другого можно выделить два противоположных направления. Первое из них акцентирует момент

сходства «Я» и Другого - Другой здесь - это, прежде всего, «другое Я». Такая исходная предпосылка присутствует в работах Э. Гуссерля, который положил начало концептуализации Другого, определяя его как *alter ego*, «другое сознание» («Картезианские размышления»). Дальнейшее развитие такая трактовка находит в работах М. Мерло-Понти, Х. Ортеги-и-Гассета, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра.

Другой в качестве «другого Я» представлен в философских работах герменевтической направленности (К.-О. Апель, Г. Г. Гадамер, П. Рикер, Ю. Хабермас). Поскольку для герменевтического подхода базовым термином является «понимание», то Другой рассматривается в данной традиции как тот, кто способен понимать, - субъект речи, субъект коммуникации. Отношение «Я-Другой» мыслится здесь как объективно проявленное социальное отношение. Так, Ю. Хабермас («Моральное сознание и коммуникативное действие») рассматривает собственную теорию коммуникативного действия как основу для устранения псевдообщения, т.е. понимает коммуникацию как отношение между двумя социальными субъектами. Соответственно, Другой для него – это социально определенный субъект, наделенный способностью понимать и соответствующий критериям рациональности интерпретатора.

Другой как «другое сознание» рассматривается также в феноменологически ориентированных концепциях экзистенциализма - прежде всего, у М. Хайдеггера («Бытие и время») и Ж.-П. Сартра («Бытие и ничто»). В работах экзистенциалистов акцентируется внерациональный момент взаимодействия двух сознаний, который характеризуется неснимаемым конфликтом двух «Я».

Второе направление в трактовке Другого определяется акцентом на «иное». Ограниченность сведения Другого к рациональным структурам мышления выявляет Б. Вальденфельс, который в противовес герменевтическому «пониманию» вводит феномен «непонимания» и демонстрирует его значимость для раскрытия специфики отношения «Я-Другой». К осмыслению этой проблемы обращались представители персонализма и диалогической традиции – М. Бубер, Э. Левинас, Э. Мунье. Э. Левинас определяющим в Другом называет «Иное» - то, что находится по ту сторону границы, в отношении чего субъекту «невозможно

иметь проект» («Время и Другой»). У М. Бубера встреча с «Ты» находится за пределами любых интерпретаций и понятийных схем.

Значительное место понятие Другого занимает в постструктурализме. Его проблематизация здесь сопряжена с исследованием структур субъективности, где определенную роль сыграли идеи психоанализа З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма. В частности, при формировании постмодернистских концепций Другого используются философские интерпретации таких психоаналитических понятий как «Сверх-Я» и «Тень». Подробно проблема Другого исследуется в работах Ж. Бодрийяра, С. Жижека, Ж. Лакана, М. Фуко.

В отечественной философии особое значение в формировании рассматриваемого понятия имеют идеи М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, С. Л. Франка. В частности, Ю.М. Лотманом исследуются различные аспекты оппозиции «свое-иное» в явлениях культуры. История развития проблемы Другого представлена в работах Д. А. Алексеевой, И.С.Вдовиной, С. И. Голенкова, Н. Ф. Калиной, Т. П. Лифинцевой, В. А. Мазина, В. А. Мерзлякова, А.А. Осанова, Э. З. Усмановой, О. Н. Шпараги, А. Юрана и др.

Проблема Другого поднимается в работах многих зарубежных и отечественных исследователей в связи с аналитикой социально-культурных явлений. Рассматривая феномены массовой культуры (кинематографа, рекламы, моды и др), к этой проблеме обращаются такие авторы как Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ф. Джеймисон, С. Жижек, Н. Кляйн, Б. Крид, А. Менегетти, Э. Поттер, В. Собчак, К. Фридман, Э. Фромм, Д. Хиз, У. Эко и др. Среди отечественных авторов к рассмотрению отдельных аспектов образа Другого обращаются О.В.Аронсон, Д. Голышко-Вольфсон, И. А. Жеребкина, С. Н. Зенкин, А. Приепа, В. Рисков, Н. В. Самутина.

На сегодняшний день существует несколько основных тенденций в рассмотрении проблемы Другого. Чаще всего она рассматривается в историко-философском аспекте: как правило, здесь выявляются основания концептуализации Другого в философии. Второй вариант исследования данной проблемы – конкретизация значения оппозиции «свое-чужое» в различных

культурах и субкультурах. Наконец, третий ракурс данной проблемы – это диалог культур в условиях глобализационного процесса. Если говорить об особенностях трактовки Другого в рамках этих направлений, то, как правило, Другой рассматривается либо как абстрактное понятие в какой-либо философской концепции, либо как социально-политическое явление – как субъект, представляющий определенную социальную группу (культурную, этническую и др.). Современная философия акцентирует внимание прежде всего на социально-политической трактовке проблемы Другого. В центре обычно находится вопрос о взаимодействии культур и выработке терпимого отношения к культурным различиям. Напротив, гораздо реже Другой рассматривается как явление, выражающее значимые аспекты функционирования и динамики персональной идентичности субъекта культуры. Такой анализ можно обнаружить, в частности, в работах С. Жижека, но его исследования в характерно постмодернистской манере описывают отдельные явления современной массовой культуры, а не культурные практики как таковые.

Объектом исследования являются образы и тексты современной массовой культуры.

Предметом исследования выступают формы представления Другого, выраженные в образах и текстах современной массовой культуры.

Основной целью исследования является характеристика образа Другого как отражения основных аспектов формирования персональной идентичности субъекта. Достижение поставленной цели требует постановки и решения следующих задач:

1. Определить основные направления концептуализации Другого в рамках историко-философского анализа концепций Другого;
2. Выявить внутреннюю взаимосвязь этих направлений в отношении Другого как феномена культуры;
3. Определить особенности представления Другого в современной культуре и на основании этого обозначить авторское понимание Другого;
4. Охарактеризовать образ Другого в фантастическом кино в контексте отражения

им отчуждающего аспекта персональной идентичности.

5. Охарактеризовать образ Другого в дискурсе моды в контексте отражения им нормативного аспекта персональной идентичности.

6.. Охарактеризовать образ Другого в контркультурной прозе в контексте отражения им присваивающего аспекта персональной идентичности.

Теоретической основой исследования послужили работы зарубежных и отечественных философов. В основу авторского понимания Другого положены идея «инаковости» Другого Э. Левинаса, концепция Реального Ж. Лакана, диалектика рабства и господства Г. Гегеля, понятие желания А. Кожева, концепция «бытия-для-другого» Ж.-П. Сартра. Для понимания особенностей формирования культурной идентичности привлечены концепции структурных оппозиций Ю. М. Лотмана (семиосферы «своего» и «чужого»), Ж. Бодрийера (противопоставление жизни и смерти в западной культуре), М. Фуко (диада разум-неразумие). Истолкование феноменов современной культуры основано на трактовке культурных явлений, предложенных С. Жижеком, Р. Бартом, Ж. Бодрийером, Д. Хизом, Э. Поттером, Н. В. Самутиной.

Методологические принципы и методы исследования. В работе широко используются основные принципы и законы диалектики. Диалектика развития базовой оппозиции «Я–Другой» наглядно демонстрируется на примере анализа явлений современной культуры. Принципы диалектики используются для объяснения процесса размежевания субъекта с определенными сторонами своей личности и последующего отождествления с ними.

При изучении направлений концептуализации Другого в философии основную роль играет исторический и сравнительный анализ рассматриваемых концепций. При рассмотрении феноменов современной культуры используется герменевтический метод, предполагающий изучение культурных объектов в качестве текстов, подлежащих интерпретации. Одним из основных методов в работе является метод структурного анализа. Данный метод позволяет выявить скрытые основания персональной идентичности субъекта с помощью использования структурных оппозиций (оппозиции природного и культурного,

человеческого и животного, сознательного и бессознательного, разумного и инстинктивного, живого и мертвого и др.).

Истолкование значений образов и текстов опирается на понятийный аппарат, предлагаемый в постструктуралистских концепциях (в частности, в работе активно используются такие понятия как «Реальное», «желание», «травма» и др.). Для объяснения особенностей формирования персональной идентичности с характерными для нее конструктами Другого используется метод идеализации.

Научная новизна исследования:

1. Выявлены два направления концептуализации Другого в философии, обоснована необходимость рассмотрения Другого как отражения персональной идентичности субъекта культуры в рамках диалектики присвоения и отчуждения.
2. Обоснована целесообразность использования понятия Реального (Ж. Лакан) для характеристики Другого, на основе этого сформулировано авторское понятие Другого.
3. Обозначены и охарактеризованы отдельные культурные практики (фантастическое кино, мода, контркультурная проза), способные продемонстрировать основные аспекты представления Другого в современном обществе и проследить динамику персональной идентичности субъекта культуры.
4. Выявлены основные аспекты формирования персональной идентичности на основе соответствующих им образов Другого: тенденция субъекта к внешнему проецированию своей детерминированности, тенденция к закреплению устойчивого образа «Я» с помощью стратегии симуляции социального признания, тенденция к постепенному расширению идентичности путем усвоения маргинальных образцов субъективности.

Положения, выносимые на защиту:

1. В современной западной культуре имеется тенденция к закреплению нормы идентичности путем проекции на Другого отвергаемых субъективных качеств. Структура Другого противопоставляется норме идентичности в

данной культуре и является необходимым элементом для поддержания ее устойчивости. В то же время, происходит постепенное расширение пределов идентичности субъекта культуры путем ассимиляции с Другим.

2. На основе имеющихся в литературе подходов к определению Другого сформулировано авторское его понимание. Другой рассматривается в двух аспектах: как персонификация Реального и как выражение экзистенциального предела идентичности. Другой в качестве персонификации Реального является проекцией отчужденных бессознательных содержаний. Другой как экзистенциальный предел идентичности выступает выражением потребности субъекта в наличии внешней структуры, ограничивающей свободу его проявлений.
3. Представление Другого, находящее отражение в массовой культуре, отличается диалектической противоречивостью. Другой одновременно выступает как ограничитель субъективной свободы субъекта и как катализатор его внутренних трансформаций, как выражение отчуждения, вытеснения сущностных характеристик личности и как средство усвоения ее глубинных содержаний.
4. Образ Другого в различных формах дискурса современной массовой культуры характеризуется следующими чертами: в жанровом (фантастическом) кино Другой представлен как объективация механистического аспекта субъективности (Вещь). В дискурсе моды Другой выступает в качестве агента симуляции социального признания (Взгляд). В дискурсе контркультурной прозы Другой представлен как перспектива возможного субъективного опыта (маргинальный субъект).
5. Динамика персональной идентичности субъекта культуры в контексте рассмотренных образов Другого предполагает следующие аспекты:
  - формирование идентичности за счет вытеснения из сознания субъекта отдельных аспектов его детерминированности (биологической и трудовой) и позиционировании таких личностных свойств, как свобода и спонтанность;

- закрепление идентичности за счет стратегии симуляции социального признания, в которой субъект отчуждает свою свободу в пользу стабильности своего символического статуса;
- расширение пределов идентичности за счет частичного усвоения тех образов и качеств, которые рассматриваются в современной культуре как маргинальные.

Теоретическая и практическая значимость диссертации обусловлена возможностью широкого использования ее положений. Теоретическая значимость состоит в выявлении основ концептуализации Другого в уже известных философских исследованиях, в создание собственной концепции и ее применении к объяснению феноменов современной массовой культуры. Это дает возможность прояснить характер отдельных составляющих культуры (кинематографа, моды, контркультурной прозы), а также использовать этот подход для осмысления других культурных феноменов. Данная работа позволяет расширить представления о способах представления Другого и основаниях персональной идентичности субъекта в современном обществе.

Практическая значимость обусловлена возможностью применения положений диссертации при подготовке общих и специальных курсов по философии культуры и культурологии, подготовке лекций и практических занятий.

Апробация работы осуществлялась в изложении положений работ при участии в следующих научных конференциях: XXXI научная конференция студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов (Барнаул, 2005); XXXII научная конференция студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов (Барнаул, 2007); «Человек: философская рефлексия»: Всероссийская научная конференция (Барнаул, 2006); «Человек: философская рефлексия»: Всероссийская научная конференция (Барнаул, 2008).

Структура работы. Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Объем работы составляет 151 страниц,

библиографический список включает 186 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «**Введении**» обосновывается актуальность проблемы исследования, характеризуется степень ее разработанности, определяются объект, предмет, цель и задачи диссертационной работы, ее теоретико-методологические основания. Раскрываются научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Другой как философский концепт и феномен культуры» рассматриваются основные направления концептуализации Другого в рамках историко-философского анализа, выявляется внутренняя взаимосвязь этих направлений, на основе чего формулируется авторское понимание Другого.

В первом параграфе «Другой как персонификация «своего» анализируются те концепции, которые исходят из базовой установки, определяющей Другого как «другое Я». Автор основывается на предположении, что в рассматриваемых концепциях можно условно выделить два направления: одни авторы определяющим считают сходство Я и Другого, вторые - различие. Отправной точкой концептуализации Другого как «другого Я» являются исследования Э. Гуссерля, который принимает идею интерсубъективности в качестве априорного основания феноменологического опыта и определяет Другого как *alter ego*, «другое сознание». В дальнейшем представители герменевтической традиции

(Г.-Г. Гадамер, К.-О. Апель, Ю. Хабермас) осмысливают интерсубъективность «жизненного мира» субъекта как предпосылку понимания. У Г. Гадамера «понимание» рассматривается как базовая характеристика человеческого существования, обусловленная наличием единого поля языка. Другой представлен им как субъект коммуникации, наделенный сознанием и способный к рефлексии. В концепции К.-О. Апеля Другой является потенциально понятным благодаря причастности к общим условиям человеческой жизни (рождению, смерти и сексуальности) и принципам языковой игры. У Ю. Хабермаса участник

коммуникации, помимо установки на диалог, должен обладать коммуникационной компетентностью, быть способным поставить себя на место собеседника. В целом, в рамках герменевтического подхода отношения с Другим строятся на предпосылке общей рациональности субъектов, вступающих в коммуникацию. Субъект, не принадлежащий этой общности, не попадает в поле рассмотрения. Такой подход не объясняет наличие очевидных конфликтов в коммуникации и исключает из числа Других тех, кто не соответствует установленным критериям рациональности (открытости, разумности, терпимости).

Второй тип отношения к Другому как к «другому Я» - отношение противоположности интересов и конфликта, подробно анализируется в работах М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра. У представителей атеистического экзистенциализма интерсубъективность понимается как отношение человеческого бытия к человеческому бытию. По М. Хайдеггеру, повседневное существование субъекта является неподлинным, поскольку растворено в способах бытия Других. Этот отчужденный модус бытия характеризуется понятием *das Man* и предполагает неспособность субъекта увидеть подлинный смысл экзистенции, выраженный в конечности человеческого существования. Поэтому Другой выступает в качестве отчуждающего фактора - субъект не может осознать свою экзистенцию, находясь в отношениях с Другим, утверждая ее только в его отрицании. Ж.-П. Сартр видит в интерсубъективности проблему взаимных притязаний двух сознаний. Фактом своего существования Другой создает «прибавочный» смысл, релятивизирующий понимание субъектом самого себя: взгляд Другого мешает субъекту полностью овладеть смыслом собственного бытия. Это склоняет субъекта к попытке преодолеть неполноту собственного существования в противостоянии с Другим. В стремлении присвоить себе свободу Другого выражается неосуществимое желание субъекта придать своему бытию завершенность, что придает этим отношениям характер неразрешимого конфликта.

В итоге автор приходит к выводу, что определение Другого на основании

уподобления «Я» (субъекту) является недостаточным. Оно игнорирует немаловажный аспект любого межсубъектного взаимодействия - присутствие в нем пугающих, иррациональных моментов, насыщенных разнообразными интенсивными переживаниями, которые были бы необъяснимы с позиции уподобления Другого субъекту. Кроме того, субъект рассматривается в рамках данного подхода как замкнутая система, игнорирующая все то, что выходит за рамки его рациональности (герменевтика) или индивидуальных интересов (атеистический экзистенциализм). Эта видимая самодостаточность субъекта не объясняет его социальной природы, его очевидной потребности в Другом как дополнении и ориентире.

Во втором параграфе «Другой как персонификация «иного» анализируются те философские концепции, которые исходят из базовой установки, предполагающей «инаковость» Другого. Об ограниченности феноменологического и герменевтического подходов к пониманию Другого свидетельствует Б. Вальденфельс. Он отмечает, что важное значение при взаимодействии двух субъектов получает феномен «непонимания», являющийся выражением «чужести». «Чужесть» является в образе «вне-порядкового», неизвестного, в виде того, к чему невозможно привыкнуть (опыт рождения и смерти, катастрофы, войны и др.).

Наиболее последовательно мысль о Другом как персонификации «иного» выражена в философии Э. Левинаса. В его концепции субъект неизбежно пресыщается собственной ограниченностью, что порождает в нем иррациональную тягу к Иному. В лице Другого субъект встречается с Иным, ассоциируемым со смертью, неизвестностью и тайной. Во французском персонализме сущность человека связывается с особым нередуцируемым ни к чему единством, неделимым ядром субъективности, называемым личностью. Личность находит свое выражение в трансцендировании, т.е. постоянном превосхождении субъектом самого себя. Оно осуществляется во встрече с Другим, расширяющем экзистенциальные возможности субъекта, обогащающем его внутреннее содержание. У М. Бубера, который выделяет два

фундаментальных отношения – «Я-Оно» и «Я-Ты», подлинный диалог осуществим только в отношении к Другому как к «Ты», когда встреча с ним не опосредована какими-либо предустановками и понятийными схемами. Сходное описание intersубъективной связи принадлежит С.Л. Франку, видящему в коммуникации возможность реализации двух типов установок (субъект-субъектной и субъект-объектной). И в философии персонализма, и в философии диалога акцентируется момент необъективируемости подлинного общения: здесь Другой не является результатом проецирования ранее сложившихся ментальных конструкций и эмоциональных переживаний, а воплощает собой неизвестное и непостижимое.

Второе направление в представлении Другого как персонификации Иного развивает структурный психоанализ, основным представителем которого является Ж. Лакан. В основе концепции Ж. Лакана лежит тезис о языковой природе бессознательного: оно предстает в этой теории как пробел в речи. Возвращение субъекту связности дискурса, осуществление «полной» речи предполагает прояснение его отношений с тем адресатом, к которому обращена его бессознательная речь. Этот адресат получает название Другого с большой буквы (Autre). Примером, наиболее ярко характеризующим бессознательную связь субъекта и Другого, является психотическое расстройство личности. Феномен психоза свидетельствует о том, что любой субъект в своем бессознательном обращен к воображаемому субъекту. В соответствии с этим в дискурсе субъекта за планом предметного сознательного сообщения, обращенного к реальному оппоненту, нужно усматривать бессознательный план запроса к символическому оппоненту, или Другому (Autre). Другой здесь – это бессознательный адресат речи, или, как его называет Ж. Лакан, «место речи», куда обращено желание субъекта. Понятие желания у Ж. Лакана сходно с аналогичным у А. Кожева, у которого желание рассматривается как желание быть признанным другим. В терминах гегелевской диалектики, Другой представляет собой фигуру Господина, за признанием которого субъект обращается в своем бессознательном.

Таким образом, Другой в качестве персонификации «иного» представляет

собой противоположность «Я» - он напрямую связывается с непознаваемым и предельным, отношения Я и Другого не симметричны. Недостаток данного подхода состоит в том, что большинство авторов рассматривают границу между субъектом и Другим как статичную. Субъект рассматривается здесь как несонзируемый с Другим и неспособный расширить границы своей идентичности за счет Другого. Этот момент может быть преодолен в рассмотрении проблемы взаимодействия субъекта и Другого в диалектической связи присвоения и отчуждения.

Третий параграф «Другой как феномен культуры в диалектике присвоения и отчуждения» посвящен рассмотрению оппозиции «своего» и «чужого» («другого») в исторической перспективе развития западной культуры. Деление мира на «свое» и «чужое» является важнейшей особенностью культуры уже на стадии первобытно-общинного строя: в культурном пространстве первобытных народов помимо «своего мира», существует еще «мир мертвых», «мир природы» и «мир других людей». Оппозиция «свой—чужой» в известной степени соответствует оппозициям «живой—мертвый», «человек – зверь».

Примерно до конца средневековья противопоставление «своего» и «чужого» носит форму оппозиции культурного и религиозного характера. В античном обществе присутствует четкое деление на эллинов как носителей культуры и варваров. Аристотель рассматривает варвара и раба как тождественные по своей природе понятия - у варвара, как и у раба, отсутствуют качества, свидетельствующие о его способности к самообладанию и властвованию. Несколько позже слово «варвар» приобретает негативную окраску, ассоциируясь не столько с невежеством и отсутствием культуры, сколько с агрессивностью, опасностью и грубостью.

В Средние века, противостояние «своего» и «чужого» обостряется в связи с борьбой христианства против других религиозных верований. Пережитки язычества с их неявной верой в наличие невидимых враждебных сил заставляет средневекового человека проецировать эти опасения на «чужих», формируя обширную демонологию и широкий спектр проявлений «чужого» (иноверцы,

язычники, бесы, «пособники дьявола» и т.д.). Вторая сторона формирования идентичности человека Средневековья – его отношение к Богу как к Другому. Неотъемлемым атрибутом Бога наравне со способностью к любви и всепрощению, была его карающая способность. Этот момент отчетливо свидетельствует в пользу того, что образ Другого является выражением отчужденных содержаний: проецируемые вовне проявления агрессии возвращаются в виде довлеющей над человеком внешней силы.

Подробное исследование особенностей противостояния «своего» и «чужого» в период Нового времени можно найти в работах М. Фуко. Другой рассматривается им как маргинализированный субъект, исключенный сообществом из сферы «нормального» и «общезначимого». Это субъект-маргинал, который признается телесным субъектом – то есть формой, неидентичной себе. К таковым М. Фуко относит заключенных, сумасшедших, сексуализированных субъектов, женщин и детей. Структура Другого («чужого», «иного») появляется в результате символического противопоставления и подавления с помощью властных практик отдельных форм социальности.

Если говорить об общих тенденциях противопоставления «своего» и «другого», то в исторической перспективе на первый план выходят такие оппозиции как «человеческое – животное», «рациональное – иррациональное», «мужское – женское», «безопасное – опасное». Но наиболее всеохватной оппозицией, определяющей связку «Я-Другой», является оппозиция жизни и смерти. Подробное обоснование этого тезиса присутствует у Ж. Бодрийяра. По его мнению, отношение к Другому определяется существованием символической демаркационной линии между жизнью и смертью, создаваемой в западной культуре (в отличие от культуры первобытных народов). Другой («чужой») здесь предстает как субъект, наделенный атрибутами смерти (мертвый, несущий смерть и опасность смерти). В современной западной культуре формирование непреодолимой границы между жизнью и смертью порождает разветвленную сеть институтов власти (первоначально, по Ж. Бодрийяру, каста жрецов, «распоряжавшихся» смертью). На смену Другому как олицетворению смерти

приходит Другой как инстанция власти, ставящая ее под контроль (в терминах структурного психоанализа - Другой с большой буквы, Большой Другой). В то же время, структура «Я–Другой» предполагает не только противопоставление, но и ассимиляцию. Идеал представителей философии диалога, а именно, ассимиляция без лишения «инаковости», во многом остается только теоретическим тезисом. На практике при усвоении «чужого» («другого») происходит большее или меньшее его нивелирование, о чем свидетельствует Р. Барт, описывая идеологию западного общества.

Таким образом, в культуре (и современной западной культуре, в частности) имеется тенденция к закреплению нормы идентичности путем проекции на Другого отвергаемых субъективных качеств (например, оппозиция «мира живых» и «мира мертвых» в первобытных культурах, связка «разум – безумие» у М. Фуко). Диалектическим следствием такого отчуждения становится формирование конструкта Другого в качестве явной или неявной структуры власти: Другой здесь выступает уже не как «чужой», а как инстанция принуждения (в терминологии структурного психоанализа «Большой Другой»). Отчужденные в пользу «чужого» внутренние содержания субъекта возвращаются в виде довлеющей над ним внешней силы, авторитета, нормирующей инстанции (что отчетливо показывает культура Средневековья). Наконец, необходимым моментом динамики идентичности субъекта культуры является ее частичное расширение путем ассимиляции с «чужим» («другим»).

В четвертом параграфе «Динамика трактовки Другого в современной культуре» формулируется авторское определение Другого.

Репрезентация Другого в современной культурной ситуации делает целесообразным обращение к понятию Реального. В различных философских концепциях Другой олицетворяет собой такую форму субъектности, которая демонстрирует непознанный, предельный аспект человеческого бытия. Он ассоциируется со смертью (Э. Левинас, Ж. Бодрийяр), Абсолютом (М. Бубер, Э. Мунье), Реальным (Ж. Лакан, С. Жижек). В структурном психоанализе Реальное часто представляется в качестве «психического избытка», «запороговой»

реальности, находящейся за пределами социальных и символических рамок. Это, прежде всего, инстинктивные проявления человеческой субъективности, переживания высокой степени интенсивности: боль, отвращение, сексуальное влечение, агрессия. Автор использует это понятие именно в таком, более широком, контексте.

Определяя категорию Реального, Ж. Лакан акцентирует внимание на его травматической сущности. Несомненной травматичностью для представителя западной цивилизации обладает смерть. Ее образ является универсальной метафорой для обозначения границы идентификации субъекта. В работе принимается тезис Ж. Бодрийера о том, что смерть в культуре Запада подлежит вытеснению и находит отражение в образе Двойника (Другого). Смерть можно напрямую связать с Реальным и обозначить в качестве его предельного выражения. Категория Реального в контексте данной работы может служить адекватной заменой понятиям, с которыми так ли иначе связывались представления об Ином (смерть, непознаваемое, абсолютное, трансцендентное). В предыдущем параграфе речь шла о том, что в образе Другого обычно воплощаются те свойства, которые отсылают к миру природы и миру мертвых. Но современное их понимание приобретает новые особенности. Это связано с тем, что в современной культуре отношение к смерти и природе, во многом, лишается сакрального смысла. Такие явления утрачивают возвышенное значение, в них начинает акцентироваться преимущественно биологический, телесно-материальный аспект. Светский, материалистический характер современной культуры существенно ограничивает среднего ее представителя в способности распознавать в межсубъектных отношениях духовное начало. Все это свидетельствует в пользу целесообразности обращения к обозначенной категории.

Исходя из вышесказанного, автор определяет Другого как персонификацию Реального. В качестве персонификации Реального, Другой служит для субъекта источником интенсивных психических переживаний (страха, агрессии, наслаждения). Он одновременно является заслоном от Реального (т.к. его фигура

служит своего рода «вместилищем» неприемлемых, «избыточных» содержаний) и его обнаружением, напоминанием о нем. Посредством отчуждения Реального в Другом, субъект выстраивает границы собственной идентичности. Диалектическим следствием такого отчуждения становится функционирование Другого в качестве инстанции власти и довлеющей над субъектом внешней силы. Содержания, вытесненные субъектом, возвращаются к нему в инвертированной форме приходящих извне агрессии, принуждения, желания и т. д. Степень напряженности и императивности этих влияний свидетельствует о степени внутренней свободы личности, поэтому Другой в данном аспекте может быть определен как выражение экзистенциального предела идентичности.

Во второй главе «Способы представления Другого в современной массовой культуре» исследуются те сферы современной массовой культуры, которые дают возможность описать характерные для современной культуры образы Другого и выразить соответствующие им особенности формирования персональной идентичности. Здесь рассматриваются кинематограф (фантастическое кино), мода и контркультурная проза.

В первом параграфе «Другой как проекция отчужденных содержаний в фантастическом кино» исследуются особенности представления Другого в фантастическом кино. Для этого жанра характерно создание всевозможных образов «инакового», противопоставляемых персонажам, с которыми зритель может идентифицироваться). «Иное» предстает в персонифицированной форме Другого (инопланетянина, чудовища, искусственно созданного существа и др.). Проведенный анализ содержания ряда фильмов позволяет выявить некоторые типические образы Другого и соответствующие им способы самоопределения субъекта по отношению к нему. Другой в фантастическом кино представлен как:

- а) персонифицированная форма отчуждения пола (биологических признаков); б) персонифицированная форма отчуждения труда и производства.

а) Образ «Чужого» (тетралогия «Alien») представляет собой попытку изобразить абсолютную противоположность «Я». Это персонификация наиболее глубинных, отрицаемых сознанием содержаний, тех, что тесно связаны с Реальным как

травматическим опытом, страхом смерти, отвращением ко всему телесному, инстинктивному. Исследователи сходятся в том, что образ Чужого представляет собой отчужденное и гротескное изображение женщины (женщина манифестирует пол и биологический, инстинктивный аспект человеческой субъективности). На прямую символическую связь женщины со смертью и инстинктами указывает также повествовательная структура многих фильмов ужасов (о вампирах, зомби и др.). В них создаются сходные «декорации» и строго определенная последовательность событий, где смерти обычно предшествуют события, указывающие на сексуальное раскрепощение и стремление к реализации инстинктов. Из чего можно сделать вывод, что в массовом сознании смерть часто смыкается с удовольствием, и главную смысловую нагрузку при этом несет фигура женщины. Так, по принципу смежности, в массовом сознании фиксируется «смертоносность пола», биологического принципа, олицетворяемого женщиной.

б) В фантастическом кино вытеснению подвергается также все, связанное с трудовой деятельностью и производством. В современном массовом кинематографе практически не встречается реалистичного изображения труда – как правило, труд в нем преподносится как необременительное времяпрепровождение, как элемент модного образа. На виду оказывается только внешняя, «пристойная» сторона трудовой деятельности. При этом труд является для субъекта травматичным и вытесняемым, поскольку в своих крайних проявлениях он превращает субъекта в функциональное орудие, лишая его воли и осмысленности собственных действий. Травматический избыток труда – это граница, за которой для субъекта утрачивается его Я, обесмысливается существование. Роботы, андройды, зомби как типичные персонажи фантастического кино – это знаки бессмысленной инерции производства, чистой функциональности как признака утраты свободы. В таком гротескном персонифицированном виде труд выступает символом стереотипной, механистической активности по контрасту с собственно человеческой активностью, которая в этом случае предстает как более непосредственная,

эмоциональная и спонтанная.

Таким образом, Другой в фантастическом кино характеризует тенденцию вытеснения определенных содержаний за пределы сферы идентичности. Вытеснению подвергаются, в первую очередь, биологический (инстинктивный) и производственный (трудовой) аспекты жизнедеятельности субъекта. Здесь он выступает в качестве объективации механистического аспекта субъективности, выражения всего «объектного» и «вещного» в человеке. Такой образ свидетельствует о типичной для идентичности субъекта культуры установке. Она состоит в акценте на свободном самовыражении и индивидуальности субъекта при игнорировании им момента детерминированности собственного существования инстинктами и производственными функциями.

Во втором параграфе «Другой как агент симуляции социального признания в дискурсе моды» исследуется представление Другого в дискурсе моды.

Модное потребление ориентировано на общественное мнение и представляет собой стремление к формированию социально-значимого образа «Я». При покупке модного товара для потребителя более важна коммуникативная составляющая этих действий, чем высокое качество, поскольку это дает ему эрзац социального признания. Поэтому автор приходит к выводу, что причиной, приводящей в движение механизмы модного потребления, является бессознательное стремление субъекта утвердиться во взаимоотношениях с Другим, смотрящим и оценивающим его. Субъект действует так, как если бы взгляд Другого был для него очевидным и важнейшим аспектом реальности: постоянно «выставляет» себя для обозрения, моделируя себя как рассматриваемого и оцениваемого со стороны. В модных «глянцевых» изданиях Другой не объективирован, но представлен как взгляд абстрактного коллективного субъекта. Культ модели для потребителя модной продукции - это форма отчуждения от самого себя, своего рода работа с целью вернуть себе экзистенциальную полноту посредством конструирования совершенного образа «Я». Стремление к удержанию идеального образа (объекта), гарантирующего

признание со стороны Другого, является основной чертой модного потребления. Все это позволяет обнаружить в действиях субъекта мазохизм: становясь слишком зависимым от взгляда извне, он готов пожертвовать любыми своими интересами для сохранения желания Другого. Идея тотального контроля объективируется в фантазме всевидящего взгляда, способного застигнуть его в любой момент.

Неявный смысл моды как системы взаимоотношений с Другим еще более ярко выражен в явлении модного «нонконформизма», провозглашаются новые критерии ценности товара - его аутентичность (немассовость, «штучность»). Минимальность, эфемерность различий между «аутентичным» и «неаутентичным» лишний раз свидетельствует в пользу того, что потребитель платит не за качество товара, а за место в социальной системе.

Таким образом, в ориентированном на моду потреблении выражено стремление субъекта обрести устойчивый символический статус в качестве признанного Другим. Здесь отношение «Я-Другой» может быть охарактеризовано с позиций диалектики рабства и господства: стремление к завершенной идентичности, выраженное в приобретении модных товаров, сходно со стратегией мазохистского самоограничения субъекта. Другой в структуре модного потребления выступает в качестве агента симуляции социального признания. Он выражает авторитетное мнение и определяет модели должного (одобряемого) поведения потребителя модной продукции. Такому определению Другого соответствует стремление субъекта к сужению своих экзистенциальных возможностей в пользу устойчивой стратегии социального признания и сохранения стабильного и целостного образа собственного «Я».

Третий параграф «Другой как перспектива возможного опыта в контркультурной прозе» посвящен аспектам представления Другого в произведениях современной контркультурной прозы, приобретающей характер массового явления. Динамика идентичности субъекта культуры предполагает не только отчуждение определенных содержаний, но и последующую их ассимиляцию. Расширение идентичности происходит при выходе субъекта к

травматическому измерению собственного существования. Хотя «инаковость» Другого при этом в определенной степени нивелируется, но благодаря ее осмыслению идентичность субъекта культуры обогащается новыми свойствами.

Попытка ассимиляции «инакового» осуществляется в контркультурной прозе, где частично «реабilitируются» ранее отчужденные массовым сознанием явления. Ее персонажи обычно находятся за границей нормальной социализации: это преступники, люди, страдающие психическими расстройствами, пациенты клиник, клиенты анонимных обществ, наркоманы, проститутки, представители субкультур и т.д. Контркультурные авторы акцентируют внимание на условном характере различий «своего» и «другого», принятых в обществе. Образ жизни антисоциальных субъектов и «добропорядочных граждан» показан здесь в равной степени иррациональным и аморальным. Большое внимание уделяется изображению сложной и интересной внутренней реальности «отчужденных», которая стереотипно мыслится в массовом сознании как ограниченная (механистичность, господство инстинктов над разумом).

Важным для контркультуры является вывод об обесценивании любого обособленного «Я». Нормой идентичности субъекта культуры является дистанцирование от всего, что лишает его индивидуальности и стабильности качеств. В контркультурной прозе создается противоположный нормативной телесности образ изменяющегося, трансформирующегося тела, лишённого четко определенных границ. Таким он предстает в наркотических фантазиях ее персонажей, в сценах насилия, сексуальных сценах, в чем обнаруживает некоторое сходство с гротескным реализмом эпохи Возрождения.

Несмотря на частичное преодоление различий между «своим» и «чужим», отношение к Другому нельзя распознать как отношение к «своему», оно может быть охарактеризовано как «тревожаще-близкое присутствие» (выражение С. Жижека). Другого делает таковым элемент Реального, недопустимая «избыточность» его переживаний (одним из базовых персонажей контркультурной прозы является наркоман, олицетворяющий собой избыточное удовольствие). Другой выступает здесь как субъект, далеко продвинувшийся в

понимании сущности удовольствия и страдания, достигший недоступных конформисту предельных экзистенциальных состояний. В этом заключается его своеобразное превосходство, что позволяет контркультурным авторам наделять Другого героическими чертами - помимо привычной отчуждающей роли, Другой выступает и как пример для подражания.

Таким образом, дискурс контркультурной прозы дает представление о том, что граница между «своим» и «чужим» не является непреодолимой. Другой в ней предстает как потенциальный источник углубления экзистенциального опыта для индивида: он позволяет приобщиться к более интенсивным, более насыщенным сферам существования. Контркультурная проза формирует выразительный образ маргинального субъекта, чем демонстрирует возможности расширения персональной идентичности и способствует присвоению ранее отчужденных аспектов субъективности.

В «**Заключении**» подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, заключающие в себе признаки новизны, излагаются перспективы дальнейшего исследования проблемы Другого в культурно-философском контексте.

Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в следующих публикациях автора:

1. Фатнева, О. В. О категории «Другой» в структурном психоанализе / О. В. Фатнева // Вестник Томского государственного университета № 302, сентябрь 2007. – С. 58–61. – 0,5 п. л.
2. Фатнева, О. В. Категория *другого* в концепции Ж. Лакана / О. В. Фатнева // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XXXII научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов/ под ред. Н. Н. Михайлова. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. – С. 135-138. – 0, 2 п.л.
3. Фатнева, О. В. Основные методологические подходы к определению

- понятия «Другого» / О. В. Фатнева // *Философские дескрипты: сборник статей.*- Барнаул: изд-во АлтГУ, 2006. – С. 224–231. – 0,5 п. л.
4. Фатнева, О. В. «Другой» в дискурсе массовой культуры. Экзистенциальные проблемы в обществе толерантности / О. В. Фатнева // *Философские дескрипты: сборник статей.*- Барнаул: изд-во АлтГУ 2006. – С. 231–236. – 0,3 п.л.
  5. Фатнева, О. В. Конструкт Другого в дискурсе фантастического кино / О. В. Фатнева // *Философские дескрипты: сборник статей.*- Барнаул: изд-во АлтГУ, 2007. – С. 132–145. – 0,5 п.л.
  6. Фатнева, О. В. О коммуникативной составляющей дискурса моды / О. В. Фатнева // *Философские дескрипты: сборник статей.*- Барнаул: изд-во АлтГУ, 2008. – С. 217–225. – 0,5 п.л.
  7. Фатнева, О. В. Об особенностях сетевой коммуникации / О. В. Фатнева // *Философские дескрипты: сборник статей.*- Барнаул: изд-во АлтГУ, 2008. – С. 225–237. – 0,5 п.л.
  8. Фатнева, О. В. Проблема гуманизма в контексте трансформации коммуникативного пространства / О. В. Фатнева // *Человек: философская рефлексия. Границы философских дискурсов. Материалы всероссийской конференции.* – Барнаул: 2008. – С. 189–191. – 0,3 п.л.
  9. Фатнева, О. В. Отображение труда в современном кинематографе / О. В. Фатнева // *Труд и социальные отношения.* - М., 2008. – №12. – 0,5 п.л.

Подписано в печать 28.11.2011.
Бумага писчая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,50. Уч.-изд. л. 1,50.
Тираж: 100 экз. Заказ № 92

Типография ООО «Арбат Алтай»
656015, г. Барнаул, пр. Ленина, 52